

Д. И. Новик

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АТРИБУТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ АГЕНТИВНОСТИ
В НЕМЕЦКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рассматриваются посессивные конструкции, выражающие отношение принадлежности по действию, а также конструкции, содержащие результаты действий, совершаемых посессором. Было установлено, что прототипическими средствами выражения атрибутивной посессивности являются притяжательное местоимение и родительный падеж.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *посессивность; атрибутивные посессивные конструкции; посессор; объект обладания; частотность.*

Категория посессивности является языковой универсалией, в семантику которой входит широкий круг отношений обладания, принадлежности, в том числе отношение принадлежности по действию. О семантической близости упомянутых отношений свидетельствует то, что в разных языках используются одни и те же формальные средства для обозначения и отношения собственности, и отношения агентивности. Кроме того, все частные отношения посессивности могут быть сведены к одному общему отношению: распространению одного объекта (посессора) на другой (обладаемое).

В ходе анализа художественных произведений немецкоязычной литературы, повести „Die verlorene Ehre der Katharina Blum“ и сборника рассказов „Wanderer, kommst du nach Spa ...“ Г. Белля, было зафиксировано 190 атрибутивных посессивных конструкций со значением агентивности, а в белорусскоязычном романе «Леаніды не вернуцца да Зямлі» В. С. Короткевича – 199 конструкций.

В корпусе примеров на немецком языке чаще было использовано притяжательное местоимение (47, 89 % конструкций), в то время как генитив был использован в 36, 84 % примерах, а в корпусе примеров на белорусском языке существенно преобладают генитивные конструкции (66, 83 %). На наш взгляд, на такое процентное соотношение используемых средств повлиял авторский стиль и некоторые особенности сюжета художественных произведений, а сами средства являются равнозначными в обоих языках и имеют схожие условия употребления.

В качестве подтверждения нашего предположения мы приводим примеры конструкций на двух языках, содержащие схожие лексемы, называющие действия, совершаемые посессором, а также результаты, продукты этих действий:

(1) *Verdammt, ich weiß nicht, ob deine Ironie oder **deine Witze** hier noch angebracht sind* [1, S. 98]. – *Непрыкметна ён проста прызвычайўся, што кожны тыдзень будзе бачыць **яе**, чуць яе голас, смяяцца з **яе жартаў*** [2, с. 63].

В приведенных примерах конструкциям с притяжательным местоимением предшествует упоминание посессора, либо посессор присутствует непосредственно в ситуации общения, что позволяет однозначно интерпретировать субъект, совершающий определенное действие.

В обоих языках нами также были выявлены пары конструкций, содержащих схожие лексемы, называющие действия, которые осуществляет посессор, а также результаты, продукты этих действий, в которых посессивные отношения выражены при помощи генитива:

(2) *Es war ganz still und ganz dunkel, und wieder nur dieses sinnlose Rascheln, wenn einer nicht schlafen kann, und **das Rauschen des Regens**, sehr milde* [1, S. 106]. – *Праз **шум дажджу** пачуўся шлоах колаў на хліпкай зямлі* [2, с. 15].

(3) *In der Ferne hörte ich jetzt das regelmäßige, sehr eintönige **Singen der Kompanie**, die vom Dienst zurückkam* [2, S. 52]. – *Гэтая ўсмешка згасала на меры таго, як усё гусцей абступалі вуліцу цагляныя дамы, як усё мацней грукат трамваяў і ярасны **снеў горада*** [2, с. 107].

Стоит отметить, что в анализируемых конструкциях посессор может быть как одушевленным, так и неодушевленным, и данный фактор напрямую влияет на выбор средств выражения атрибутивной посессивности. Так, нами было установлено, что 66, 67 % конструкций с неодушевленным посессором в корпусе примеров на немецком языке содержат генитив (26 из 39 конструкций), а в корпусе примеров на белорусском языке генитивные конструкции составляют более 95 % от общего числа конструкций с неодушевленным посессором (80 примеров из 84). Притяжательное местоимение используется значительно реже, так как описание неодушевленного посессора ограничивается, как правило, одним-двумя предложениями, в то время как употребление притяжательного местоимения требует упоминания посессора непосредственно перед посессивной конструкцией. В приведенных ниже примерах данное условие соблюдено:

(4) *Dann erst klebte ich **die Kerze** auf den Rand meiner Bahre fest, so daß das Zentrum **ihres Scheins** auf des Toten Gesicht fiel* [1, S. 84].

(5) ***Зеляніна** палыну, быццам кранутая марозам, горка і сумна ліла **свой пах** у вокны белых палат* [2, с. 72].

Что же касается конструкций с одушевленным посессором, 56,29 % примеров на немецком языке содержат притяжательное местоимение и 29,14 % – генитив. В белорусском языке соотношение средств практически равное: 46,09 % составляют генитивные конструкции, 38,26 % – конструкции с притяжательным местоимением. Притяжательное местоимение используется довольно часто в текстах на обоих языках, так как в центре художественного произведения находится лирический герой, описание его действий, чувств и объектов материального обладания значительно распространено, что позволяет использовать притяжательное местоимение после упоминания посессора в контексте.

Для выражения посессивных отношений в обоих языках также используются предложные конструкции (*das Haus vom Vater, голас у Ганны*). Однако в конструкциях со значением агентивности предлог был зафиксирован в 20 примерах только на немецком языке. Специфика данной семантической группы также заключается в том, что в предложных конструкциях возможен только один предлог – *von*:

(6) *Die Stimme kündigte nur einen internationalen Zug von Rotterdam nach Basel an, und während ich Charlottes kleines, zartes Gesicht betrachtete, kam der **Geruch von Seife und Kaffee** mir in den Sinn, und ich fühlte mich scheußlich elend* [1, S. 65].

Согласно грамматике Duden, употребление предлога *von* означает некое отдаление посессора и обладаемого, подчеркивается их раздельность. В случае с действиями или результатами действий, между посессором

и объектами обладания нет такой тесной связи, как, например, с неотчуждаемыми объектами, а выбор в пользу предложной конструкции в большинстве примеров зачастую обусловлен необходимостью избежать повтора генитивной конструкции (*eines Besuchs von Tötges, Veränderung der Aussage von Frau Blum, Sätze von Katharinas Mutter*).

Нами также было отмечено, что в корпусе примеров на белорусском языке содержится вдвое больше конструкций с неодушевленным посессором. Данный факт можно объяснить тем, что В. С. Короткевич в своем произведении подробно описывает многие детали, звуки и запахи (*шум дажджу, пах кветак, мільгаценне зорак, шолах тралейбусаў*) для создания художественного образа.

Проведенный анализ позволяет заключить, что частотность употребления тех или иных средств выражения атрибутивной посессивности напрямую зависит от авторского стиля и специфики содержания художественного произведения. Сопоставление примеров, содержащих лексемы, называющие действия, совершаемые посессором, а также результаты, продукты этих действий, доказывает, что функционирование средств в обоих языках имеет схожие особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Böll, H. *Wanderer, kommst du nach Spa...* : Erzählungen / H. Böll. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1985. – 161 S.
2. *Караткевіч, У. С.* Леаніды не вернуцца да зямлі / У. С. Караткевіч. – Мінск : Электрон. книгарня, 2015. – 311 с.